

З.Г. Сактаганова, Ж.К. Абдукаримова*

*Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: zauresh63@mail.ru, zhanara1307@mail.ru)*

Трудовые воспитательные колонии как мера борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в 1943–1945 гг. (на примере Шокайской трудовой воспитательной колонии)

Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью стала одним из ведущих направлений политики в отношении советских детей, так как именно на годы войны пришлось катастрофическое увеличение числа беспризорных и безнадзорных детей. В статье на примере Шокайской трудовой воспитательной колонии рассмотрена работа органов НКВД в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны. Создание трудовых воспитательных колоний давало возможность не направлять детей в возрасте от 11 до 16 лет, задержанных за мелкое хулиганство, кражу, бродяжничество, в колонии для несовершеннолетних, где содержались преступники более старшего возраста. Авторы приводят данные по истории создания и функционирования Шокайской трудовой воспитательной колонии в период с 1943 г. по 1945 г. На основе архивных материалов, большинство из которых впервые вводятся в оборот, изучаются проблемы организации быта, материального обеспечения, пополнения контингента и причины закрытия колонии. Проведя анализ личных дел воспитанников, авторы приходят к выводу, что большая их часть поступала за нарушение трудовой дисциплины, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)». В Шокайской трудовой воспитательной колонии содержались как уроженцы Казахской ССР, так и дети, прибывшие из других союзных республик. Статья выстроена на материалах казахстанских и российских архивов.

Ключевые слова: Шокайская трудовая воспитательная колония, детские приемники-распределители, дети, подростки, труд, беспризорность, безнадзорность, детская преступность, детский дом, сироты, Центральный Казахстан, Великая Отечественная война.

Введение

Масштабы беспризорности и безнадзорности среди детей в СССР в годы Великой Отечественной войны стали серьезной проблемой для государства. Одной из мер по ликвидации беспризорности и безнадзорности была работа таких подразделений НКВД, как детские приемники-распределители, трудовые колонии для несовершеннолетних и детские трудовые воспитательные колонии.

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 15 июня 1943 г. № 659 и приказом НКВД от 21 июня 1943 г. № 0246 в целях усиления борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью, были организованы отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Свою работу в СССР начали вести 14 трудовых и 48 трудовых воспитательных колоний. В трудовых колониях содержались дети 12–13 лет, осужденные, главным образом, за мелкие хулиганства. В большинстве своем они были сиротами, жертвами войны: отцы многих были на фронте и на путь преступлений их, как правило, толкали голод, нужда и детская безнадзорность и безответственность. Суд, тюрьма, содержание в колонии для осужденных не являлись адекватными и релевантными методами воспитания, необходимыми для совершивших ошибку подростков, которые не были закоренелыми преступниками. Пребывание детей этого возраста в тюрьмах и колониях с более старшими по возрасту несовершеннолетними преступниками не давали, как правило, эффективных результатов их перевоспитания. Учитывая частые случаи перегибов судебной практики, нередко встречались явно несправедливые решения в отношении детей и подростков. С организацией трудовых воспитательных колоний, куда помещались дети с 11 до 16 лет, стало возможным избежать попадания подростков в колонии более строгого режима, в том числе детей, осужденных по Указу от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)» [1; 6, 7].

* Автор-корреспондент. E-mail: zhanara1307@mail.ru

Методы и материалы исследования

При написании статьи использовались общенаучные методы, такие как компаративный анализ и синтез, индукция и дедукция, системно-функциональный, структурно-функциональный метод и др. Например, использование анализа и системно-функционального метода позволило выявить основные типы нарративных источников в группе архивных документов. Были задействованы естественно-научные методы, в частности, математико-статистический применен при работе со статданными (при работе с личными делами воспитанников колонии) и др. Например, опираясь на статистические методы, нам удалось определить, дети из каких семей чаще других направлялись в трудовую воспитательную колонию, и выявить основную причину, по которой подростки там оказывались. Отследить возрастные, этнические характеристики и др. Основным методологическим инструментарием стали проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, историко-биографический и др.

Источниковые материалы исследования нами разделены на три группы: нормативно-правовые документы, делопроизводственная документация, статистические материалы. К нормативно-правовым документам относятся указы, постановления партии и правительства, приказы начальника колонии (Постановление СНК СССР от 15 июня 1943 г. № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством»; Указ от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)» и др.). Из документов, относящихся к делопроизводственной документации, были использованы пояснительные записки, отчеты, рапорты, переписка (Пояснительная записка начальнику отдела НКВД КазССР капитану государственной безопасности Бергеру; рапорты воспитанников, бежавших и возвращенных из побегов за 1944 г. и др.). Статистические материалы представлены в тексте статьи таблицей и анализом имеющихся данных о воспитанниках Шокайской трудовой воспитательной колонии (национальная принадлежность и возраст воспитанников, образование, статья, по которой направлены подростки, и др.).

Материал, приведенный в статье, был собран в четырех государственных архивах Казахстана и России: Архив Президента Республики Казахстан (АП РК); Государственный архив Карагандинской области (ГА КО); Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ); Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Особый интерес представляют документы, впервые введенные в научный оборот. Одними из таких документов являются материалы из ГА КО. Фонд № 110 — личные дела воспитанников Шокайской трудовой воспитательной колонии. Благодаря анализу личных данных нами было установлено, что основная масса воспитанников колонии были сиротами или имели только одного родителя (мать).

Обсуждение и результаты

В годы Великой Отечественной войны катастрофически увеличилось число беспризорных и безнадзорных детей, и, как следствие, возросло число преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Проблемы детской беспризорности и безнадзорности в СССР военных лет достаточно хорошо изучены как российскими исследователями, так и их коллегами из дальнего зарубежья [2–8]. В казахстанской историографии имеется ряд публикаций по данной тематике [9–12], но, в целом, проблема все еще остается мало изученной. Проблема исследования детских трудовых воспитательных колоний в КазССР не стала отдельным объектом изучения отечественных исследователей.

Детские трудовые воспитательные колонии (далее — ТВК) были одним из элементов реализации государственной политики в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. ТВК для несовершеннолетних были созданы в 1943 г. согласно Постановлению СНК СССР от 15 июня 1943 г. № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством». В ТВК НКВД направлялись подростки от 11 до 16 лет:

- а) беспризорные дети, не имеющие родителей вовсе или длительное время живущие без родителей и не имеющие определённого места жительства;
- б) задержанные за хулиганство, мелкие кражи и другие незначительные преступления, возбуждение уголовного преследования против которых будет признано нецелесообразным;
- в) воспитанники детских домов, систематически нарушающие внутренний распорядок и дезорганизующие нормальную постановку учебы и воспитания в детском доме [13].

В первые годы войны на территории КазССР были организованы трудовые колонии для несовершеннолетних (3 — в г. Алма-Ате и 1 — в г. Джамбуле) [14; 158]. По состоянию на 20 мая 1944 г. в

Казахской ССР работало 4 трудовые воспитательные колонии: Джамбульская — на 300 мест; Казалинская — на 500; Чок-Пакская — на 500 и Шокайская — на 250 [15; 9].

Учитывая, что в Казахской ССР в конце 1943 г. скопилось значительное количество беспризорных и безнадзорных детей, подлежащих направлению в трудовые воспитательные колонии, НКВД КазССР, потеряв всякую надежду на разрешение вопроса о выделении помещений для организации детских колоний со стороны республиканских организаций, вынужден был в декабре месяце 1943 г., с согласия НКВД СССР, открыть в Карагандинской области на базе помещений бывшей исправительно-трудовой колонии для взрослых Шокайскую трудовую воспитательную колонию для содержания 250 детей [16; 106–111].

Первая партия воспитанников по наряду НКВД № 1 прибыла в колонию 12 декабря 1943 г. из Семипалатинского детского приемника-распределителя НКВД №12 в количестве 21 человек [17; 6, 7]. Прибывшая партия детей не была обеспечена даже необходимой одеждой. Из 21 воспитанника двое прибыли без обуви, все дети были одеты в летние брюки и поношенные телогрейки, некоторые без сменного белья. Вторая партия воспитанников по нарядам НКВД № 2, 4, 5 прибыла в колонию 28 декабря 1943 г. из Алма-Атинского детского приемника-распределителя в количестве 11 человек. Одеты были очень плохо: двое были без обуви, один — без шапки и нательной рубахи, телогрейки были сильно изношены, все в летних брюках, хотя в момент их перемещения был декабрь месяц.

На начало января 1944 г. в колонии числился 31 воспитанник от 11 до 16 лет. За январь месяц в колонию поступило 3 человека из Павлодарского, Акмолинского, Уральского детских приемников-распределителей. Одеты и обуты были не полностью и не по сезону [17; 11]. За февраль в колонию поступило еще 72 человека: 36 детей из Алма-Атинского детского приемника-распределителя, 1 — из Уральского детского приемника-распределителя, 16 детей — из Карагандинского детского приемника-распределителя, 19 — из Карагандинской тюрьмы. Алма-Атинские дети, также как и в предыдущие партии, были одеты и обуты в старые вещи еще и не по сезону. Одежда и обувь детей, прибывших из Карагандинской тюрьмы, как отмечалось в справках, были вообще не пригодны к носке. Дети, прибывшие из Карагандинского детского приемника-распределителя, были одеты и обуты по сезону, однако в старые вещи. В феврале отказали в приеме в колонию 5 детям из Семипалатинского детского приемника-распределителя, так как они были больны чесоткой, а в медицинских справках было указано, что дети здоровы. Не были приняты дети из Усть-Каменогорского и Джамбульского детских приемников-распределителей, так как они прибыли позже, чем указывалось в предписаниях (месячный срок) с опозданием на 17 и 10 дней [17; 26, 27]. На начало марта 1944 г. в колонии насчитывалось 140 воспитанников от 10 до 18 лет. За апрель в колонию поступило 55 человек, из них из г. Фрунзе Киргизской ССР прибыло 17 несовершеннолетних заключенных. Все прибывшие несовершеннолетние были одеты в одежду и обувь, совершенно непригодную к носке. На 1 апреля 1944 г. в колонии числилось уже 195 воспитанников. 14 апреля 1944 г. по наряду №30 от 1 апреля 1944 г. прибыли: из Павлодарского детского приемника-распределителя 1 воспитанник, из Петропавловского — 4, из Акмолинского — 9, из Карагандинского — 17, из Карагандинской тюрьмы — 15 человек. Кроме одного ребенка из Павлодара, одежда и обувь остальных прибывших была сильно изношена, а некоторая даже не пригодна к носке. К апрелю 1944 г. убыло 3 воспитанника: 2 сбежали, 1 отдан родителям. 1 воспитанник находился в больнице села Токаревка с сыпным тифом. К декабрю 1944 г. численность воспитанников Шокайской трудовоспитательной колонии достигла 240 человек. К концу декабря 1944 г. в колонию прибыло еще 13 человек из Карагандинской тюрьмы. Прибывшие были одеты и обуты очень плохо, а для зимнего сезона они не были подготовлены совсем. 4 подростка были истощены. К концу 1944 г. в Шокайской трудовой воспитательной колонии числилось 253 воспитанника. Из них: имеющие родителей — 86 (34 %), круглые сироты — 104 (41,1 %), сироты в результате войны — 3 (1,2 %), родители или на фронте, или неизвестно местоположение — 60 (23,7 %) [18; 160, 161]. Таким образом, из всего контингента воспитанников лишь 1/3 имели родителей, остальные подростки либо были сиротами, либо остались без родителей по разным обстоятельствам.

При поступлении подростков в ТВК на каждого предполагалось наличие личного дела, в котором имелись данные о ребенке. Но, к сожалению, очень часто личные дела воспитанников не были оформлены должным образом, то есть дела не были заполнены вовсе, и это не давало возможности составить полную характеристику о ребенке. Основными графами личных дел воспитанников были следующие пункты: ФИО, место и год рождения, национальность, наличие родителей, а также родных братьев, сестер, грамотность, судимость, место нахождения до прибытия в колонию, статья, по которой осужден, и т.д. [19; 1–4].

Большая часть воспитанников была осуждена за самовольный уход из школ ФЗО (по Указу от 28 декабря 1940 г.). Жесткие законы по условиям военного времени ставили под угрозу судебных постановлений и осуждения в ТВК детей военного времени. Зачастую дети, направленные в школы в ФЗО, ремесленные училища и железнодорожные училища, или на работу на заводы, шахты, не осознавали всей ответственности за уход из фабрично-заводских училищ и т.п. Как правило, физически или психологически не справляясь с работой или учебой, они самовольно уходили, не зная, что за это их ждет уголовная ответственность с лишением свободы сроком до одного года [18; 167].

Сложные материально-бытовые условия также были одной из причин, по которой подростки сбегали с рабочих мест. Из материалов отчетов об обследовании бытовых условий и политико-массовой работы на хлопкопрядильной и трикотажной фабриках Наркомлегпрома было установлено, что, несмотря на то, что все учащиеся школ ФЗО и почти все молодые рабочие живут в общежитиях, быт и политическое воспитание крайне неудовлетворительны. Бытовые условия хлопкопрядильной и трикотажной фабрик оказались ненадлежащими, общежития не отапливались, горячую пищу получали только раз в сутки, в бане подростки бывали редко, заработную плату предприятия задерживали на 2–3 месяца. Как отмечалось в отчетах, не было красных уголков, стенгазет, радио, кружковой работы, что, по мнению проверяющих, негативно сказывалось на воспитательной и просветительской работе и приводило к грубым нарушениям трудовой дисциплины. Учитывая, что в годы войны агитационно-пропагандистская деятельность была крайне важна, замечания проверяющих были вполне уместны, но на деле наличие или отсутствие красного уголка и стенгазеты не могли решить сложные бытовые проблемы молодых рабочих. Однако не исключено, что регулярная кружковая работа или, к примеру, наличие в общежитии радио, библиотек, газет и книг и т.п. могло бы отвлечь часть подростков от хулиганства, и они, возможно, в меньшей степени попадали бы под влияние улицы. Сбегая, подростки забирали с собой спецодежду, которая им выдавалась, решая проблему пропитания, продавали ее на базаре, то есть, как пишется в отчетах, «занимались спекуляцией». Неудовлетворительные условия быта создавали благоприятную почву для проявления аморальных поступков. Выпускники школ ФЗО, распределенные на работу на предприятия, бежали от вышеуказанных условий [20; 10]. И, как следствие, оказывались в детских приемниках-распределителях, затем направлялись в ТВК по статье Указа от 28 декабря 1940 г.

С поступающими подростками часто проводились беседы на предмет выявления причины попадания в ТВК. Анализ бесед позволяет выявить основные причины: во-первых, имели место субъективные и несправедливые факты отношения к подросткам со стороны старшего управляющего персонала; во-вторых, тяжелая работа и сложные условия; в-третьих, физическое и моральное насилие, проявляемое в среде сверстников; в-четвертых, незнание последствий за уход. Абсолютное большинство всех прибывших заявляли, что самовольно ушли со школ ФЗО, шахт и т.д. из-за плохих бытовых условий, а главное из-за тяжелой и, в ряде случаев, опасной работы (навалоотбойщик, крепильщик). Многие ребята, плохо знающие русский язык, заявляли, что их никто не предупреждал о судебной ответственности за самовольный уход с работы [18; 160, 161]. Так, например, в разговоре с Николаем Безруковым (1928 г.р.), уроженцем Татарской АССР, выяснилось, что он сам поступил на шахту № 18 в Караганде и работал электриком. За баловство механик Шанович его выгнал, а дело на него оформил как самовольный уход с работы. Вследствие этого подросток был изъят с улицы и осужден по статье Указа от 28 декабря 1940 г. на 1 год. В личном деле Безрукова Николая в графе причина, по которой был осужден, действительно стоит запись «самовольно ушел с работы» [21; 1–3]. Анатолий Везких заявлял, что он учился в ФЗО № 29 и ему было тяжело работать крепильщиком, он решил уйти. Ж. Сарипаев заявлял, что его все время били ученики ФЗО № 43, воспитатели на жалобы не реагировали, из-за чего он и решил бежать [18; 167]. Воспитанник Павел Кадочкин, уроженец г. Сталинграда, говорил, что он был в школе ФЗО №17 в Караганде в новом городе, проучившись 4 месяца, отпросился у мастера поехать домой в гости и обратно не возвратился, так как колхоз принял его на работу, покрыв тем самым его прогул. И по итогу оказался в трудовоспитательной колонии. Также осужден по статье Указа от 28 декабря 1928 г. [22; 1–3].

В ТВК попадали дети не только за прогулы на работе, но и систематическое воровство. Воровство было одним из самых серьезных случаев, по которым подростки направлялись в ТВК. Подростки крали продукты питания или предметы, которые было легко продать; толкала их на воровство нередко нужда. Были подростки 12–14 лет, которые сделали воровство своим промыслом. В одном из личных дел воспитанников Шокайской колонии — Владимира Петровича Макарова, имеется заключение начальника Усть-Каменогорского детского приемника-распределителя, в котором дается ха-

рактеристика на задержанного. В.П. Макаров — уроженец г. Ленинграда, 1930 г.р., без определенного места жительства, родители умерли. Органами НКВД доставлялся в детский приемник-распределитель шесть раз за систематическое воровство на колхозном рынке. Задержанный неоднократно направлялся в детские дома (22 мая 1943 г., 7 ноября 1943 г., 1 и 25 декабря 1943 г.), но каждый раз сбегал и снова появлялся на базаре, занимаясь воровством. Руководствуясь инструкцией НКВД СССР, начальник детского приемника-распределителя 19 февраля 1944 г. направил Макарова в Шокайскую ТВК [23; 5].

Судьбы детей, втянувшихся в воровское «ремесло», демонстрирует дело Митронина Валентина Яковлевича, 1930 г.р., уроженца Алтайского края, проживавшего в г. Павлодар с матерью (отец на фронте). Митронин регулярно занимался мелкими кражами: похищал с огородов овощи, 2 топора, ведро и т.д. В сентябре 1942 г. забрался через окно в одну из квартир и украл там банку масла. В июле 1942 г., пока мать была в командировке, похитил из собственной квартиры 2 юбки, блузку, платье, скатерть, более 5 метров различных тканей и заготовки на хромовые сапоги. Все вышеперечисленное продал на рынке, деньги за 4 дня потратил вместе с товарищами. В ноябре 1943 г. Митронин организовал вокруг себя группу подростков, которые совершали кражи. По Постановлению суда Валентин Митронин был направлен в Шокайскую ТВК [24; 1].

В первые годы войны шли массовые процессы эвакуации. На территорию Карагандинской области прибывали детские дома из РСФСР, Украинской ССР, Калмыкской АССР с общим контингентом более 800 человек [25; 5–7]. Это создало большую скученность в детских домах, и для их разгрузки, детей, достигших 14 лет, направляли в ФЗО, РУ, в колхозы и т.д. И бывшие воспитанники детских домов довольно часто оказывались воспитанниками ТВК. Например, выпускник Осакаровского детского дома Митрин Иван Дмитриевич, 1930 г.р. был направлен учеником в ремесленное училище (РУ) № 5 г. Балхаша. Митрин, как записано в приговоре, трижды самовольно покидал учебу, 14 октября 1944 г. он снова бежал. По этой причине ему пришлось предстать перед судом, после чего Митрин был направлен в Шокайскую ТВК [26; 1].

В ряде случаев при заполнении документов имело место расхождение в возрасте прибывших воспитанников. В деле мог быть записан 1929 г.р., а по заявлению и внешнему виду прибывший выглядел заметно старше — 1927 и даже 1926 г.р. Нередко сами воспитанники объясняли уменьшение года рождения желанием попасть в детский приемник-распределитель, а оттуда в детский дом; быть направленным не в школу ФЗО, а в ремесленное училище. Логика подростков понятна: чем меньше лет, тем меньше ответственности; нередко и родители уменьшали год рождения детям, чтобы они не были мобилизованы на работу.

Воспитанников трудовоспитательной колонии, достигших призывного возраста направляли в РККА, даже если те не отбыли свой срок. Например, Тельманский райвоенкомат Карагандинской области за весь период работы Шокайской трудовоспитательной колонии призывал в РККА всех родившихся в 1927 г. и ранее, таких набралось до 30 человек, хотя срок отбывания в колонии еще не истек.

Нередки были случаи, когда воспитанники Шокайской ТВК сбегали. Например, 23 декабря 1943 г. примерно в 2 часа ночи 6 воспитанников из первой партии совершили побег ввиду халатного отношения к своим служебным обязанностям дежурного стрелка Джаксыбекова. Принятыми мерами 5 воспитанников были задержаны в ближайших населенных пунктах. Одного воспитанника Тишина Алексея задержать не удалось [17; 6, 7]. 17 февраля 1944 г. воспитанник Холодов Анатолий 1931 г. р. бежал во время ужина в столовой по вине воспитательницы Юрченко Е.Д. и надзирателя Бузенко, которые получили выговор. Бежавшего удалось в течение суток найти на железнодорожной станции. Он был сдан в Петропавловский детский приемник-распределитель [17; 27]. 4 воспитанника бежали во время прогулки за пределами колонии: воспитанники собирали лук, после двух часов работы 4 человека не вернулись. Поиски результатов не дали. Индра Петр бежал во время привоза в больницу в г. Караганде. Воспитатель выпустил его в уборную, а воспитанник сбегал. Позже он был задержан на базаре надзирателем и доставлен в колонию [27; 1–4]. Другой воспитанник совершил побег во время урока, пользуясь тем, что окно было сломано и выпрыгнул из него [27; 13].

Дети из депортированных семей также становились воспитанниками Шокайской ТВК. Например, Атабаев Хамзат, 1929 г.р., уроженец Чечено-Ингушской АССР, сбегал из школы ФЗО, позже был направлен в трудовую воспитательную колонию [28; 1–3]. Бухажиев Абри, 1928 г.р., самовольно ушел из школы ФЗО г. Балхаша, продал на рынке обмундирование, был задержан милицией и после направлен в Шокайскую ТВК [29; 1–3].

Из рапортов целого ряда должностных лиц видно, что личный состав надзирательной службы не достаточно дисциплинирован, несмотря на то, что несколько работников было уволено из-за фактов недобросовестной службы. Имели место случаи оставления надзирателями своих постов, плохой присмотр за воспитанниками. В результате чего они хулиганили, портили имущество, принадлежащее колонии, совершали побег, для своих естественных надобностей в ночное время использовали умывальники и др. [30; 11]. Также причинами побегов могли быть плохие материально-бытовые условия, неудовлетворительное питание, конфликты с воспитанниками или с руководством, возвращение к родителям или на улицу.

У воспитанников Шокайской ТВК, поскольку они были школьного возраста и в большинстве случаев малограмотны, окончившие только начальную школу, должно было вестись школьное обучение. Но на момент открытия ТВК школьные помещения для обучения воспитанников не было подготовлено, так как его надо было строить заново, а материалов и рабочей силы в колонии не имелось, а также не позволяли зимние условия климата. Не было книг и учебных пособий, не было учителей. Ни один воспитанник не был охвачен производственным обучением из-за того, что не была оборудована мастерская. Воспитанники Шокайской ТВК в большинстве своем были малограмотными. В личных делах имелись записи касательно образования. В основном, это были дети, окончившие 4–5 классов. Большинство оставили школу самовольно, и только некоторым, в основном, эвакуированным детям, приходилось прерывать школьное обучение.

В апреле 1944 г. школьным обучением было охвачено 97 человек. Правда, само помещение школы не соответствовало своему назначению, в школе не было парт, дети занимались за столами и тумбочками. Учителей 1–4 классов было 4; 5–7 классов — 1; начальник школы — 1; воспитатель — 1. К декабрю 1944 г. школой было охвачено уже 193 воспитанника: в 1-ом классе — 36, во 2-ом — 54, в 3-ем — 45, в 4-м — 27, в 5-ом — 31. Шестой класс не занимался в виду отсутствия учителя математики, в 7-ом классе не было воспитанников с соответствующей подготовкой. Партами школа была обеспечена на 35 %, школьными досками — на 60 %, учебниками — на 50 %, тетрадями — на 75 %. Наглядных пособий почти не было [18; 161]. Воспитанники производственным обучением не были охвачены из-за отсутствия инженеров и инструкторов — специалистов по производству. Используя условия, имеющиеся в ТВК, воспитанники были охвачены только трудовым обучением — сапожники, портные, столяры, работали на кухне, в гараже, в подсобном хозяйстве.

В отчетах отмечалось, что к зиме 1944 г. школьная, культурно-массовая и политико-воспитательная работа ослабла ввиду следующих причин: отсутствие теплой обуви — без нее невозможно посещать школу, находящуюся в 300 м от колонии, так как наступили морозы и бураны. На 253 воспитанника имелось 96 пальто, они работали в них на конном дворе, гараже, на электростанции, возили воду и т.д. Ввиду этих причин занятия проводились в спальне воспитанников, что создавало трудности в поддержании порядка. Неудовлетворительные материально-бытовые условия, в которых жили дети в ТВК, были типичными для всех подобных учреждений. Например, в ТВК № 1 Омской области, также были серьезные проблемы с организацией быта, материальным обеспечением воспитанников [7; 85–88].

В штате Шокайской ТВК имелись начальник, райкоменданты, коменданты, инспектора, милиционеры. Имелись врач и медсестра. Взрослых заключенных в колонии не было. Персонала для нормального функционирования ТВК было недостаточно. Отсутствие воспитательского, педагогического, инструкторского, медицинского персонала, а также не укомплектованность вооруженной охраны и надзирательской службы, не создавали условия для работы по перевоспитанию дезорганизаторов, а также препятствовали мерам по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью [17; 6, 7].

Дети в ТВК представлены 16 национальностями. Контингент подростков в ТВК по этническим характеристикам можно отследить по таблице ниже.

Национальный состав воспитанников Шокайской ТВК*

№	Наименование национальности	Общее количество	в %
1	Казахи	43	18,6
2	Русские	149	64,5
3	Украинцы	14	6,1
4	Чеченцы	5	2,2
5	Поляки	1	0,4
6	Немцы	5	2,2
7	Белорусы	2	0,9
8	Узбеки	1	0,4
9	Киргизы	3	1,3
10	Цыгане	2	0,9
11	Татары	4	1,7
12	Евреи	1	0,4
13	Башкиры	1	0,4
14	Мордва	1	0,4
15	Якуты	1	0,4
16	Сербы	1	0,4
Всего		231	100

* *Примечание.* Составлена на основе данных Государственного архива Карагандинской области. — Ф. 110. — Оп. 2. — Д. 1–231.

Казахи составляли 18,6 % от общего числа воспитанников Шокайской ТВК. Большая часть из них шла по Указу от 28 декабря 1940 г., в меньшей степени встречались бродяжничество, кражи, хулиганство. Больше половины воспитанников были представители русской национальности. Среди них были и уроженцы Казахстана, и прибывшие сюда по эвакуации или мобилизованные на военное производство. Следующие по численности шли представители украинского народа — 6,1 %, все они прибыли в КазССР в годы войны (к сожалению, определить причины прибытия каждого невозможно: раскулачивание, депортация, эвакуация). Другие национальности представлены от 0,4 до 2,2 %, которые приехали в Казахстан в годы войны по различным причинам (депортация, эвакуация, трудовая мобилизация, бродяжничество).

Около 33,3 % от числа воспитанников Шокайской ТВК были уроженцами КазССР (77 — казахи, 34 — русские). В 10 % дел отсутствовала запись по национальной принадлежности. 62,4 % не были уроженцами Казахстана. Часть детей прибыла по эвакуации, часть по иным причинам, но в годы войны они вместе с родителями уже проживали здесь, а также несколько детей были из семей спецпереселенцев. По причине того, что не все дела на воспитанников были оформлены должным образом, мы не можем проследить, когда большинство подростков прибыли в КазССР.

Около 39,8 % подростков направлялись в Шокайскую ТВК за мелкие кражи, нищенствование, хулиганство, нарушение дисциплины в детских домах, бродяжничество. Читая материалы дел, нельзя однозначно сказать, что подросток попал в ТВК, например, исключительно за попрошайничество (в делах обозначено, как «нищенствование»), поскольку, здесь могли быть и карманные кражи, и бродяжничество, поскольку беспризорным детям приходилось выживать в тяжелых условиях улицы. Конечно, встречались и более серьезные преступления, такие как кражи со взломом, порча имущества и т.д. Но большая часть воспитанников ТВК (60,2 %) были осуждены за самовольный уход с работы или со школы ФЗО. В основном по этой статье проходили молодые люди 1927, 1928 и 1929 г.р. Поскольку подростки часто не своей воле выходили работать на производство, а через мобилизацию, то они периодически нарушали трудовую дисциплину. Неподготовленным в профессиональном смысле молодым людям не доверяли серьезную работу, чаще всего они выполняли тяжелую черную работу, были учениками мастеров, электриков, навалыщиками, чернорабочими и т.д. Тяжелые условия проживания, непосильный труд, а также часто непонимание или непринятие ответственности труда в производстве в военное время приводили подростков к заключению в ТВК.

Большинство детей, находившихся в Шокайской ТВК, были сиротами (27 %), которые либо сбегали из детских домов, либо по достижению 14 лет направлялись в школы ФЗО, железнодорожные и ремесленные училища (ЖДУ, РУ). Дети одиноких матерей составляли 10,8 %. Имели место случаи,

когда матери, не справляясь с воспитанием сыновей (дети воровали, выносили из дома вещи), отдавали их в детский дом, а оттуда мальчики сбегали, попадали в детский приемник-распределитель и далее в трудовую воспитательную колонию. Дети, проживавшие с матерями, отец, которых находился на фронте, составляли 5,6 %. Дети, проживавшие только с отцом, составляли 3 %, дети, отцы которых были в РККА, составляли 9,1 %. Еще в группу риска входили подростки, чьи родители находились в заключении: мать в заключении – 1 %, отец в заключении — 0,7 %, оба родителя в заключении — 0,4 %. Большой процент (26 %) приходится на дела, в которых не содержалось сведений о родителях. В одних делах просто отсутствовала анкета, в других — анкета имела, но графа о родителях либо отсутствовала, либо была не заполнена. Часто незаполненная графа о родителях была в личных делах подростков, мобилизованных на производство 1927, 1928 и 1929 г.р., которые осуждались по статье Указа от 28 декабря 1940 г. Достаточно высокий процент — 14,3 % составляли дети, имеющие обоих родителей. К этой категории, в большей степени, относились подростки, осужденные по Указу от 28 декабря 1940 г.

Шокайская трудовая воспитательная колония, находившаяся в Карагандинской области, в связи с тем, что она была организована наспех, без соответствующей материально-производственной базы, в непригодных помещениях, где не было необходимых условий для организации производственного обучения воспитанников, в августе месяце 1945 г. была ликвидирована. Воспитанники этой трудовой колонии были направлены в другие колонии. При проверках состояния работы в организованных трудовых воспитательных колониях были установлены серьезные недостатки, как в организации бытового обслуживания, так и в производственном обучении воспитанников [16; 114, 156]. И приказом № 1776 от 4 сентября 1945 г. Шокайская детская трудовая воспитательная колония была ликвидирована [17; 1].

Выводы

Через Шокайскую ТВК прошло более 240 подростков. В ГА КО имеются личные дела воспитанников в количестве 231 дела. Исходя из данных, которые там имеются, можно сделать вывод о том, что большинство подростков в ТВК находились по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)». Меньший процент детей находился в колонии за мелкие кражи, хулиганство, нарушение дисциплины. Некоторые воспитанники имели судимость, но большинство впервые попадали в места лишения свободы. Незначительный процент детей был из числа местного населения, большинство же были приезжими (эвакуированные вместе с детскими домами, эвакуированные вместе с семьями, сироты, самостоятельно добравшиеся до Казахстана, и др.).

Чаще всего воспитанниками ТВК становились круглые сироты, эвакуированные дети, выпускники детских домов, дети из малообеспеченных семей, где была только мать, а отец либо умер, либо находился на фронте. Большая часть подростков, находившихся в ТВК, отбывали наказание за нарушение трудовой дисциплины. В первые годы войны, из-за процессов эвакуации, детские дома стали переполняться за счет вновь прибывших детей. И для их разгрузки детей, достигших 14 лет, направляли на обучение или уже на работу в промышленную или сельскохозяйственную отрасль. Беспорядочных детей, которых работники милиции задерживали на вокзалах, базарах и других общественных местах, направляли в детские приемники-распределители, и в зависимости от возраста распределяли в детские дома, школы ФЗО, в ТВК и т.д. Последствиями раннего трудоустройства беспорядочных или безнадзорных детей были побег с мест работы и учебы вследствие физической и моральной неготовности детей к новым порядкам и нагрузкам. Материально-бытовые условия выпускников детских домов в их новых общежитиях были неудовлетворительными, что провоцировало бегство, нарушение трудовой дисциплины и, как следствие, заключение в трудовые воспитательные колонии. Шокайская трудовая воспитательная колония проработала около двух лет и за это время через нее прошли более двухсот детей, но из-за проблем с финансированием была закрыта, а воспитанники были распределены в другие трудовые воспитательные колонии.

Статья написана в рамках реализации конкурса на грантовое финансирование исследований молодых ученых по проекту «Жас галым» на 2022–2024 годы ИРН АР14973000 «Советское детство в Казахстане в годы войны (1941–1945 гг.): история и повседневность».

Список литературы

- 1 Государственный архив Российской Федерации. — Ф. Р. — 9412 с. — Оп. 1 с. — Д. 17.
- 2 Келли К. Советский Союз — рай для детей? / К. Келли // Развитие личности. — 2007. — № 4. — С. 71–90.
- 3 Kucherenko O. Little Soldiers: How Soviet Children Went to War, 1941–1945. — NY.: Oxford University Press, 2011 — 266 p.
- 4 Астоянц М.С. Мир сиротства в советской и постсоветской России / М.С. Астоянц. — Ростов н/Д.: ИПО ПИ ЮФУ, 2007. — 204 с.
- 5 Славко А.А. Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в России в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период / А.А. Славко // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. — 2010. — № 120. — С. 33–43.
- 6 Абельбейсов В.А. Проблемы сиротства в российском обществе: история и современность / В.А. Абельбейсов, Л.В. Акимова. — М.: Библио-глобус, 2017. — 158 с.
- 7 Красноженова Е.Е. Борьба с детской беспризорностью в Нижнем Поволжье в период Великой Отечественной войны / Е.Е. Красноженова // Вестн. Удмурт. ун-та. История и филология. — 2013. — Вып. 1. — С. 89–93.
- 8 Быкова А.Г. Детская трудовая воспитательная колония № 1 УНКВД по Омской области: история создания и проблемы функционирования в 1943–1948 гг. / А.Г. Быкова, А.В. Быков // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Исторические науки. — 2015. — № 4 (8). — С. 83–89.
- 9 Сактаганова З.Г. Дети войны: беспризорность и безнадзорность в Центральном Казахстане в 1941–1945 гг. (по архивным документам) / З.Г. Сактаганова, Ж.К. Абдукаримова, А.А. Сальникова // Ученые записки Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 163. — Кн. 6. — С. 202–214.
- 10 Saktaganova Z.G. Soviet childhood: homelessness and neglect of children in Central Kazakhstan during the Great Patriotic War (1941–1945) / Z.G. Saktaganova, Zh.K. Abdukarimova, A.A. Salnikova // Bulletin of the Karaganda University. History. Philosophy Series. — 2021. — N 4 (104). — P. 103–112.
- 11 Джумагалиева К. К вопросу о положении беспризорных детей в годы Великой Отечественной войны / К. Джумагалиева // Вестн. Атырау. ун-та им. Х. Досмухамедова. — 2020. — № 59(4). — С. 20–30.
- 12 Сүгірәлімова Г.Б. Панасыз балалар тарихынан / Г.Б. Сүгірәлімова // ПМУ Хабаршы. — 2004. — №3. — Б. 116–120
- 13 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)» (https://bessmertnybarak.ru/article/postanovlenie_snk_sssr_659/) (Дата обращения: 20.03.2023).
- 14 Бастемиев С.К. Исправительные учреждения Казахстана (историко-правовой аспект): моногр. / С.К. Бастемиев. — Павлодар: Кереку, 2009. — 258 с.
- 15 ГА РФ. — Ф. Р-9412 с. — Оп. 1с. — Д. 20.
- 16 Российский государственный архив социально-политической истории. — Ф. 17. — Оп. 122. — Д. 103.
- 17 Государственный архив Карагандинской области (далее — ГА КО). — Ф.110. — Оп.1. — Д. 21.
- 18 ГА КО. — Ф. 110. — Оп. 1. — Д. 47.
- 19 ГА КО. — Ф. 110. — Оп. 2. — Д. 35.
- 20 Архив Президента Республики Казахстан. — Ф. 708. — Оп. 8. — Д. 1345.
- 21 ГА КО. — Ф. 110. — Оп. 2. — Д. 20.
- 22 ГА КО. — Ф. 110. — Оп. 2. — Д. 81.
- 23 ГА КО. — Ф. 110. — Оп. 2. — Д. 124.
- 24 ГА КО. — Ф. 110. — Оп. 2. — Д. 131.
- 25 Сактаганова З.Г. Эвакуация советских детей в Центральный Казахстан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / З.Г. Сактаганова, Ж.К. Абдукаримова, А.А. Сальникова и др. // Вопросы истории. — 2021. — № 8 (2). — С. 4–16.
- 26 ГА КО. — Ф. 110. — Оп. 2. — Д. 130.
- 27 ГА КО. — Ф. 110. — Оп. 2. — Д. 233.
- 28 ГА КО. — Ф. 110. — Оп. 2. — Д. 9.
- 29 ГА КО. — Ф. 110. — Оп. 2. — Д. 33.
- 30 ГА КО. — Ф. 110. — Оп. 2. — Д. 18.

З.Г. Сактаганова, Ж.К. Абдукаримова

1943-1945 жж. балалардың панасыздығы мен қараусыздығына еңбек тәрбие колониялары күрес шарасы ретінде (Шоқай еңбек тәрбие колониясының мысалында)

Балалардың панасыздығымен және қадағалаусыздығымен күрес кеңестік балаларға қатысты саясаттың жетекші бағыттарының біріне айналды, өйткені соғыс жылдарында панасыз және қараусыз қалған балалар санының апатты өсуі байқалды. Мақалада Шоқай еңбек тәрбие колониясының мысалында Ұлы Отан соғысы жылдарындағы балалардың панасыздығы мен қараусыздығына қарсы күресте НКВД-ның жұмысы қарастырылған. Еңбек тәрбиесі колонияларының құрылуы кішігірім бұзақылық, ұрлық, қаңғыбастық үшін ұсталған 11-16 жас аралығындағы балаларды үлкен қылмыскерлер ұсталған, яғни кәмелетке толмағандарға арналған колонияға жібермеуге мүмкіндік берді. Авторлар 1943-1945 жылдар аралығында Шоқай еңбек тәрбие колониясының құрылуы және жұмыс істеу тарихы туралы мәліметтер келтірген. Мұрағат материалдарының негізінде, олардың көпшілігі айналымға алғаш рет енгізілген, яғни тұрмысты ұйымдастыруы, материалдық қамтамасыз етілуі, контингентті толықтыру және колонияның жабылу себептері зерттелген. Тәрбиеленушілердің жеке істеріне талдау жасай отырып, авторлар КСРО Жоғарғы Кеңесі Президиумының 1940 жылғы 28 желтоқсандағы «Қолөнер, теміржол және ФЗО мектептері оқушыларының тәртіпті бұзғаны және мектептен (мектептен) өз бетінше кеткені үшін жауапкершілігі туралы» Жарлығына сәйкес олардың көпшілігі еңбек тәртібін бұзғаны үшін ұсталды деген қорытындыға келген. Шоқай еңбек тәрбие колониясында Қазақ КСР-нің тумалары да, басқа одақтас республикалардан келген балалар да ұсталды. Мақала қазақстандық және ресейлік мұрағаттардың материалдарына негізделген.

Кілт сөздер: Шоқай еңбек тәрбие колониясы, балаларды қабылдаушы-бөлушілер, балалар, жасөспірімдер, еңбек, панасыздық, қараусыздық, кәмелетке толмағандар арасындағы құқық бұзушылық, балалар үйі, жетім балалар, Орталық Қазақстан, Ұлы Отан соғысы.

Z.G. Saktaganova, Zh.K. Abdugarimova

Labor educational colonies as a measure of struggle with children neglect and homelessness in 1943-1945 (the case of the Shokai labor training colony)

The struggle against children homelessness and neglect has become one of the leading directions of policy towards Soviet children because there was a catastrophic increase in the number of homeless and neglected children during the war period. Authors consider the work of the People's Commissariat of Internal Affairs in the struggle against child neglect and homelessness on the example of the Shokai labor educational colony during the Great Patriotic War. The creation of labor educational colonies made it possible not to send children aged 11 to 16 detained for hooliganism, theft, vagrancy to juvenile colonies where older criminals were kept. The authors provide data on the history of the creation and functioning of the Shokai labor educational colony during 1943-1945. On the basis of archival materials, most of which are being put into circulation for the first time, the problems of life organization, material support, replenishment of the contingent and the reasons for the closure of the colony are being studied. After analyzing the personal files of pupils, the authors come to the conclusion that most of them came for violation of labor discipline in accordance with the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of December 28, 1940 "On the responsibility of students of vocational, railway schools and schools of the Factory Training for violation of discipline and for unauthorized leaving from school". There were both natives of the Kazakh SSR and pupils from other Soviet republics in the Shokai labor training colony. The article is based on materials from Kazakhstani and Russian archives.

Keywords: Shokai labor training colony, children's reception centers, children, adolescents, labor, homelessness, neglect, juvenile delinquency, orphanage, orphans, Central Kazakhstan, the Great Patriotic War.

References

- 1 Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. — F.R. — 9412 s. — Op. 1 s. — D. 17 [in Russian].
- 2 Kelli, K. (2007). Sovetskii Soiuz — rai dlia detei? [Is the Soviet Union a paradise for children?]. *Personal development - Razvitiie lichnosti*, 4, 71–90 [in Russian].
- 3 Kucherenko, O. (2011). *Little Soldiers: How Soviet Children Went to War, 1941-1945*. — NY.: Oxford University Press.

- 4 Astoyants, M.S. (2007). *Mir sirotstva v sovetskoï i postsovetskoï Rossii* [The World of Orphanhood in Soviet and Post-Soviet Russia]. Rostov-na-Donu: IPO PI YuFU [in Russian].
- 5 Slavko, A.A. (2010). Gosudarstvennoe regulirovanie protsessa likvidatsii detskoï besprizornosti v Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i v poslevoennyi period [State regulation of the process of eliminating child homelessness in Russia during the Great Patriotic War and in the post-war period]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena — Proceedings of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 120, 33–43 [in Russian].
- 6 Abelbeisov, V.A. & Akimova, L.V. (2017). Problemy sirotstva v rossiiskom obshchestve: istoriia i sovremennost [Problems of orphanhood in Russian society: history and modernity]. Moscow: Biblio-globus [in Russian].
- 7 Krasnozhenova, E.E. (2013). Borba s detkoi besprizornosti v Nizhnem Povolzhe v period Velikoi Otechestvennoi voiny [Struggle with child homelessness in the Lower Volga region during the Great Patriotic War]. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Istorii i filologii - Bulletin of the Udmurt University. History and philology*, 1, 89–93 [in Russian].
- 8 Bykova, A.G. & Bykov, A.V. (2015). Detskaia trudovaia vospitatelnaia koloniia № 1 UNKVD po Omskoi oblasti: istoriia sozdaniia i problemy funktsionirovaniia v 1943–1948 gg. [Children's labor educational colony No. 1 of the Department of the People's Commissariat of Internal Affairs in the Omsk region: the history of creation and problems of functioning in 1943–1948]. *Vestnik Omskogo Universiteta. Serii Istoricheskie nauki - Bulletin of the Omsk University. The series Historical Sciences*, 4(8), 83–89 [in Russian].
- 9 Saktaganova, Z.G., Abdugarimova, Zh.K. & Salnikova, A.A. (2021). Deti voiny: besprizornost i beznadzornost v Tsentralnom Kazakhstane v 1941–1945 gg. (po arkhivnym dokumentam) [Children of war: homelessness and neglect in Central Kazakhstan in 1941–1945 (according to archival documents)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo Universiteta. Serii Gumanitarnye nauki - Scientific notes of Kazan University. Seria Humanitarian sciences*, 163, 6, 202–214 [in Russian].
- 10 Saktaganova, Z.G., Abdugarimova, Zh.K. & Salnikova, A.A. (2021). Soviet childhood: homelessness and neglect of children in Central Kazakhstan during the Great Patriotic War (1941–1945). *Bulletin of the Karaganda University. History. Philosophy Series*, 4(104), 103–112.
- 11 Dzhumagalieva, K. (2020). K voprosu o polozenii besprizornykh detei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [On the situation of street children during the Great Patriotic War]. *Vestnik Atyrauskogo universiteta imeni Khalela Dosmukhamedova - Bulletin of Atyrau University named after Khalel Dosmukhamedov*, 59(4), 20–30 [in Russian].
- 12 Sygiralimova, G.B. (2004). Panasyz balalar tarikhynan [From the history of homeless children]. *Pavlodar memleketik universitetinin Khabarshy - Bulletin of Pavlodar State University*, 3, 116–120 [in Kazakh].
- 13 Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 28 dekabria 1940 g. “Ob otvetstvennosti uchashchikhsia remeslennykh, zheleznodorozhnykh uchilishch i shkol FZO za narushenie distsipliny i za samovolnyi ukhod iz uchilishcha (shkoly)” [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated December 28, 1940 “On the responsibility of students of handicraft, railway schools and schools of the Federal Law for violation of discipline and for unauthorized departure from the school”]. Retrieved from https://bessmertnybarak.ru/article/postanovlenie_snk_ë_sssr_659/ [in Russian].
- 14 Bastemiev, S.K. (2009). Ispravitelnye uchrezhdeniia Kazakhstana (istoriko-pravovoi aspekt) [Correctional institutions of Kazakhstan (historical and legal aspect)]. Pavlodar: Kereku [in Russian].
- 15 Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation]. — F. R-9412 s. — Op. 1 s. — D. 20 [in Russian].
- 16 Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsialno-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. — F. 17. — Op. 122. — D. 103 [in Russian].
- 17 Gosudarstvennyi arkhiv Karagandinskoi oblasti [State Archive of Karaganda region]. — F. 110. — Op. 1. — D. 21 [in Russian].
- 18 Gosudarstvennyi arkhiv Karagandinskoi oblasti [State Archive of Karaganda region]. — F. 110. — Op. 1. — D. 47 [in Russian].
- 19 Gosudarstvennyi arkhiv Karagandinskoi oblasti [State Archive of Karaganda region]. — F. 110. — Op. 2. — D. 35 [in Russian].
- 20 Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan]. — F. 708. — Op. 8. — D. 1345 [in Russian].
- 21 Gosudarstvennyi arkhiv Karagandinskoi oblasti [State Archive of Karaganda region]. — F. 110. — Op. 2. — D. 20 [in Russian].
- 22 Gosudarstvennyi arkhiv Karagandinskoi oblasti [State Archive of Karaganda region]. — F. 110. — Op. 2. — D. 81 [in Russian].
- 23 Gosudarstvennyi arkhiv Karagandinskoi oblasti [State Archive of Karaganda region]. — F. 110. — Op. 2. — D. 124 [in Russian].
- 24 Gosudarstvennyi arkhiv Karagandinskoi oblasti [State Archive of Karaganda region]. — F. 110. — Op. 2. — D. 131 [in Russian].
- 25 Saktaganova, Z.G., Abdugarimova, Zh.K. & Salnikova, A.A. (2021). Evakuatsiia sovetskikh detei v Tsentralnyi Kazakhstan v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.) [Evacuation of Soviet children to Central Kazakhstan during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Voprosy istorii - Questions of History*, 8(2), 4–16 [in Russian].
- 26 Gosudarstvennyi arkhiv Karagandinskoi oblasti [State Archive of Karaganda region]. — F. 110. — Op. 2. — D. 130 [in Russian].

- 27 Gosudarstvennyi arkhiv Karagandinskoi oblasti [State Archive of Karaganda region]. — F. 110. — Op. 2. — D. 233 [in Russian].
- 28 Gosudarstvennyi arkhiv Karagandinskoi oblasti [State Archive of Karaganda region]. — F. 110. — Op. 2. — D. 9 [in Russian].
- 29 Gosudarstvennyi arkhiv Karagandinskoi oblasti [State Archive of Karaganda region]. — F. 110. — Op. 2. — D. 33 [in Russian].
- 30 Gosudarstvennyi arkhiv Karagandinskoi oblasti [State Archive of Karaganda region]. — F. 110. — Op. 2. — D. 18 [in Russian].